

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a tall, blue, rusted metal water pump stands in a garden. In the foreground, three buckets (two metal, one blue) and a metal milk can are placed on a large, horizontal, rusted metal pipe. The buckets and can have clothespins (white, blue, and red) clipped to their handles. In the background, three women are standing: one in a blue dress, one in a light-colored dress, and an older woman in a blue dress with a patterned shawl and a hat, holding a cane. A small blue wooden shed is behind them. The scene is set in a garden with a blue fence and green foliage under a blue sky with clouds.

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Вода по четвергам

❖ СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ДУХИ ❖

• Книга 13 •

❖ Уютный мистический детектив ❖

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Книга 13. Следствие ведут
духи. Вода по четвергам

<https://litres.ru/74176567>

SelfPub; 2026

Аннотация

В деревне N воду дают по четвергам — на пятнадцать минут, под грохот вёдер и соседские споры. Но перед каждым запуском старая труба отвечает тремя ударами. Николай Кузьмич уверен: под землёй работает линия, которой нет на новых схемах. Он собирается показать документы Вере — и исчезает накануне собрания, где СНТ должно продать спорный водопроводный коридор.

Пока правление торопит голосование, слухи объявляют пропавшего уехавшим, а насос включается по ночам за запертой дверью. Вера, Олеся, Настасья Петровна и Антон идут по следу воды, старых колышков и слишком уверенных объяснений. Но ошибка Веры уже ударила по невинному, а времени остаётся всё меньше.

Чтобы найти Николая и доказать, кому выгодно стереть старую границу, придётся услышать то, что труба повторяет

снова и снова. Только духи указывают направление. Открывать подземную дверь придётся живым.

Содержание

Глава 1. Три удара	5
Глава 2. Четверг без Николая	17
Глава 3. Председатель знает лучше	30
Глава 4. Водопроводчик с ключами	45
Глава 5. Прищепки Олеси	59
Глава 6. Старая муфта	74
Глава 7. Слишком громкое обвинение	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 13. Следствие ведут духи. Вода по четвергам

Глава 1. Три удара

В первый четверг июля я проснулась от грохота вёдер. Они сталкивались во дворе Настасьи Петровны, пока хозяева выстраивали их у калитки. За окном уже было светло, в домике стояла жара, а из открытого крана над раковиной не падало ни капли. Воду обещали включить в восемь, но деревня начала готовиться к этому событию ещё до семи.

Я вышла с двумя канистрами и обнаружила у калитки Олесю. В одной руке она несла таз, в другой — пакет цветных прищепок. Солнечные очки она надела раньше, чем солнце поднялось над сараем.

— Зачем прищепки? — спросила я.

— Для порядка. Белая — одно ведро, синяя — два, красная — человек уже ругался и временно лишён права говорить о справедливости.

— А чёрная?

— Для председателя очереди. Но председатель пока не выжил.

У старой колонки собрались жители деревни и дачники из соседнего садоводческого некоммерческого товарищества. Две женщины спорили, можно ли считать детскую ванночку одной ёмкостью. Мужчина в майке доказывал, что его бочка не участвует в очереди, потому что стоит на тележке. Тележка заняла половину дороги.

Настасья Петровна подошла к колонке, нажала на рычаг и прислушалась. В ответ из трубы вышел только воздух.

— До включения ещё двенадцать минут, — сообщила я.

— Поэтому и слушаю сейчас. После включения все начнут объяснять.

Олеся уже цепляла прищепки к ручкам вёдер. Первые возражения появились сразу.

Женщина в соломенной шляпе потребовала четыре прищепки, потому что два ведра набирала для соседки с повышенным давлением. Мужчина с бочкой объявил, что давление сейчас у всей очереди, а воды нет вторую неделю. Настасья Петровна напомнила про прошлый четверг. Мужчина признал, что вода была пятнадцать минут и закончилась, пока он разворачивал шланг.

— Значит, шланг у вас длиннее графика, — сказала Олеся и прикрепила к бочке две синие прищепки. — Больше двух ёмкостей за один подход не набираем.

Мужчина перестал спорить и занялся колесом тележки.

Оно застряло в выбоине, бочка накренилась, а очередь отступила. Благодаря прищепкам пятеро не промочили обувь ещё до появления воды.

Я поставила канистры возле забора и достала телефон. Хотела записать время запуска. После прежних дел я записывала всё, что казалось обычным до первой неприятности.

— Разговоры не записывай, — сказала Настасья Петровна. — Трубу послушай.

Сначала я слышала далёкий шум насоса. Он доносился со стороны СНТ, из-за огородов и полосы кустов. Затем металл под рукой дрогнул.

Первый удар прозвучал близко и ясно. Через короткую паузу пришёл второй. Третий прозвучал позже и оказался глуше; звук пришёл с другой стороны — не от насосной, а от старой дороги вдоль деревенских участков.

Очередь на секунду замолчала. Потом вода с плеском ударила в подставленное ведро, и все сразу вспомнили, зачем пришли.

— Опять три, — сказал невысокий пожилой мужчина возле крайнего забора.

Он стоял без ёмкостей. На поясе висела связка ключей, а под мышкой была сложена газета. Я знала его в лицо, но имени не помнила.

— Николай Кузьмич, — подсказала Олеся, не прекращая переставлять вёдра. — Главный человек по вопросам, на которые правление не хочет отвечать.

— Я не главный, — возразил он. — Я единственный, кому ещё не надоело спрашивать.

Я показала запись на телефоне и назвала время запуска — восемь ноль три. Николай Кузьмич уточнил, отметила ли я направление третьего удара. Услышав про старую дорогу, он кивнул и убрал газету под мышку.

— После воды подойдите к границе. Покажу, что они там нарисовали.

Я спросила, кого он имеет в виду. Ответ последовал сразу.

— Тех, у кого старая труба каждый год оказывается в новом месте.

Олеся протянула мне пустую канистру и сняла с ручки синюю прищепку. Вторая канистра уже стояла полной.

— Иди. Твою очередь я сохраню. Но прищепку оставляю в залог.

Через двадцать минут мои канистры стояли у крыльца, а я шла за Николаем Кузьмичом вдоль задних огородов. Между деревней N и СНТ тянулся водопроводный коридор. Среди новых заборов он выглядел полосой бурьяна, заросшей крапивой. Николай Кузьмич считал иначе.

Он остановился возле бетонного колодца, скрытого травой, и достал большой рожковый ключ. На губках ключа была свежая ржавчина.

Я спросила, не случилась ли авария. Николай Кузьмич покачал головой.

— Проверка. Авария у нас начинается, когда правление

говорит, что всё под контролем.

Он присел и постучал ключом по открытой части трубы. Один раз, потом второй. Звук пошёл по металлу к насосной и быстро затих. Мы подождали, не двигаясь.

Из земли левее забора донёсся третий, негромкий, но отчётливый удар. Николай Кузьмич ключом больше не касался трубы.

— Вот, — сказал он. — Я даю два, а от старой линии приходит третий. По нынешней схеме её здесь нет.

Я присела рядом и приложила пальцы к металлу. Труба слегка дрожала от воды. Готового объяснения у нас не было. Оставались только звук со стороны старой дороги и Николай Кузьмич, который знал, что услышит. Я предположила, что отклик даёт старое соединение или пустая ветка.

— Может. Поэтому я и проверяю, а не свечку ставлю.

Николай Кузьмич не просил верить ему. Он хотел, чтобы я проверила его вывод.

Он провёл меня ещё метров тридцать вдоль забора, отодвинул лопух и показал верхушку деревянного колышка. Дерево почернело, край был стёсан. Чуть дальше торчал новый металлический знак с яркой краской.

Металлический знак Николай Кузьмич назвал новым, а деревянный — старым. Между ними было почти два метра. Я заметила, что колышек мог остаться от прежнего забора. Николай Кузьмич ответил, что таких знаков три и все они ведут к старой клапанной камере.

— Где она? — спросила я.

— Узнайте у правления. На бумаге её убрали. В земле она от этого легче не стала.

Он вытащил из газеты сложенный лист, но разворачивать не стал. Бумага была исписана с обеих сторон, и сквозь сгиб просвечивал синий штамп.

Я приняла лист за копию старого плана, но Николай Кузьмич объяснил, что это выписка из протокола. План лежал у него дома, однако не хватало второго листа.

— Через неделю покажу. По четвергам видно, где вода идёт. Без давления можно спорить до зимы.

Я ещё раз осмотрела колышек. Земля вокруг была плотной, трава не примята. Свежих следов работы я не увидела. Я согласилась встретиться в следующий четверг у колонки и сравнить план с новой схемой.

— Сначала сравните даты. Схему можно перерисовать, дату труднее.

Новая схема, по его словам, висела на стенде правления. Николай Кузьмич указал в сторону СНТ и спрятал лист обратно в газету.

— Рядом найдёте объявление, что нас опять спасут за наши же деньги.

Правление СНТ размещалось в небольшом домике возле дороги к насосной. На стенде висел лист с крупным заголовком «Внеочередное общее собрание». По краям его теснили квитанции и старые объявления. Собрание назначили на

воскресенье. Объявление появилось сегодня — это подтверждала дата внизу.

Я прочитала повестку дважды. Главным вопросом была продажа части общего имущества для переноса водопровода. Формулировка звучала спокойно, однако три дня на обсуждение настораживали.

Женщина за моей спиной разрешила читать объявление, но запретила его снимать: потом в чатах появлялись обрезанные снимки и чужие выводы. Ей было лет шестьдесят. Она была в светлой рубашке с закатанными рукавами, а связку ключей прижимала к папке, чтобы ключи не звенели.

— Тогда дайте полную копию, — предложила я.

Она посмотрела на меня с усталостью человека, который уже провёл этот разговор несколько раз. Она перехватила папку другой рукой, но стенд не заслонила.

— Лидия Серова, председатель товарищества. А вы?

Я представилась и объяснила, что живу в деревне у Настасьи Петровны, а сегодня услышала три удара перед подачей воды. Серова сразу поняла, о каком звуке речь.

— Удары у нас слышат все, — сказала Серова. — Особенно перед собранием. После собрания обычно перестают.

— Трубы изношены?

— Этим трубам больше лет, чем половине наших споров. Мы латали их четыре сезона. Взносы платят не все, поэтому насос ремонтируем частями. К августу ещё и пожарный пруд мелеет. Покупатель готов оплатить новую линию. Для

людей это шанс получать воду дольше пятнадцати минут раз в неделю.

Она говорила без заученной торжественности и знала проблему изнутри. На папке были следы воды, а на рукаве — ржавая полоса. Удобным злодеем Серова не выглядела, спасителем тоже.

Я спросила, почему собрание назначили через три дня. Серова объяснила, что предложение покупателя действует до понедельника, а новую схему закончили только вчера.

Она сняла со стенда прозрачный файл и показала план. По краю участков шла новая линия, прямее старой дороги. Общий коридор сужался возле границы с деревней и выходил к полосе земли, которую собирались продать.

В нижнем углу стояла вчерашняя дата. Исходную схему упомянули в примечании, но к объявлению не приложили. Я спросила, где можно сравнить старый и новый варианты. Серова ответила, что архивную папку ещё поднимают, а членам товарищества покажут материалы перед собранием. До воскресного решения оставалось меньше трёх дней.

— Кадастровый инженер Вадим Горшков, — представила Серова мужчину, который подошёл от насосной. — Он готовил материалы.

Горшков был моложе председателя. На нём была чистая рабочая рубашка, а в руке он нёс планшет. Он взглянул на мой телефон и спросил, записывала ли я звук. Я ответила, что отметила только время ударов.

— Звук нужнее. У нас незаконные врезки, из-за них давление гуляет. Потом владельцы открывают по три крана и обвиняют насос. К вечеру сами увидите.

Я сказала, что Николай Кузьмич считает старый коридор сдвинутым. Серова устало выдохнула, а Горшков усмехнулся и провёл пальцем по новой линии.

— Николай Кузьмич считает своим всё, до чего может дойти с рулеткой. Старые колышки не доказывают границу. Их ставили у старых заборов и временных канав.

Я спросила, почему тогда Николаю Кузьмичу не показывают исходные документы. Ответ у Горшкова был готов.

— Правление не справочное окно, — ответил Горшков. — К тому же половина архивов промокла.

Серова закрыла файл и прижала его к папке. На секунду она посмотрела в сторону насосной, где гудел мотор.

— Я дам вам копию повестки и график подачи воды. После обеда зайдите. Но прошу не разгонять скандал до собрания. Нам нужна новая труба, а не ещё одна война у колонки.

Я согласилась. Необходимость ремонта была очевидна, но сроки сделки выглядели подозрительно. Горшков проводил меня взглядом до поворота, затем открыл наружный шкаф возле насосной. Он скрылся за дверцей вместе с планшетом, и через секунду внутри щёлкнуло реле.

К вечеру вода почти исчезла. Сначала струя в моём домике стала слабее, потом из крана вышел воздух. Со стороны улицы донеслись голоса. Я вышла и увидела, что утренняя

очередь переместилась от колонки к калитке Настасьи Петровны. Теперь они пришли без вёдер, но с версиями.

Мужчина с бочкой винил одновременный расход. Женщина в соломенной шляпе уверяла, что открыла один кран, да и тот у соседки. Олеся напомнила про давление.

— Давление прошло. Теперь у соседки настроение, — сообщила женщина.

Настасья Петровна вынесла две одинаковые трёхлитровые банки и два куска шланга. Банки и шланги она поставила рядом, а затем сама назначила, какую банку нести к каждому крану.

— Раз говорить все умеют, будем мерить молча.

Одну банку поставили под кран у её летней кухни, вторую я отнесла в свой домик. Олеся включила секундомер. За первую минуту банки наполнились почти одинаково. При втором замере вода пошла слабее, но тоже без заметной разницы.

Мужчина с бочкой решил, что общий расход всё объяснил. Настасья Петровна остановила его раньше, чем он успел объявить себя правым.

— Насос снова дал короткий толчок.

Со стороны СНТ донёсся короткий гул. Труба под ногами дрогнула. Вода в банках поднялась на несколько сантиметров, затем струя в моём кране резко ослабла, а у летней кухни ещё текла вода.

Олеся посмотрела на секундомер и повернула экран ко

мне. Разница между кранами дошла почти до двадцати секунд.

— Разница появилась после второго запуска.

— Не запуска, — поправил Николай Кузьмич. Он подошёл со стороны колонки и присел возле шланга. — Короткого переключения.

Я спросила, можно ли сделать такое переключение вручную. Николай Кузьмич кивнул.

— Можно, если есть доступ к шкафу или насосной. При обычной подаче давление падает постепенно. Здесь ветку открыли, потом прикрыли.

Я спросила, какую именно. Николай Кузьмич посмотрел в сторону старой дороги. Над кустами виднелась крыша насосной.

— Ту, которой на новой схеме нет.

Мужчина с бочкой хотел возразить, но Олеся показала ему красную прищепку. Утром он считал их глупостью, а к вечеру уже уважал систему больше, чем соседей.

Вода вернулась ненадолго и снова пропала. Люди разошлись, унося недолитые ёмкости. Настасья Петровна оставила обе банки на лавке и велела не выливать воду до утра. По уровню было видно, что после второго толчка у её крана осталось больше воды, у моего — меньше.

Николай Кузьмич задержался у калитки и проверил, застёгнут ли карман с газетой. Уходить он не спешил.

— В следующий четверг принесу план, — сказал он. —

Только вы не Серовой его отдавайте.

— Я пока никому ничего не собираюсь отдавать.

— Все так говорят, пока им не объяснят, что товариществу нужнее.

Он ушёл по улице, постукивая ключами о ладонь. Я вернулась в домик, записала время второго толчка и закрыла кран. День начинался как спор о вёдрах, а закончился старой линией, которой не было на бумаге.

Ночью я проснулась от одного глухого удара. Он прошёл по трубе под раковиной и затих в стороне старой дороги. Я включила лампу, открыла тетрадь и записала рядом со временем слова Николая Кузьмича: вода идёт не по той границе, которая нарисована на новых схемах.

Глава 2. Четверг без Николая

К следующему четвергу жара не ушла, зато деревня привыкла жаловаться на неё с выражением людей, которых обманули лично. Я пришла к колонке раньше восьми и поставила канистры у забора. В кармане лежала тетрадь, в телефоне — запись прошлой недели, а место у крайнего столба пустовало: Николай Кузьмич не пришёл.

Он обещал принести старый план и обычно приходил первым. По словам Настасьи Петровны, Николай Кузьмич вставал в половине шестого круглый год, хотя четверговая вода в холодный сезон ему не требовалась. Привычка у него считалась важнее сезона.

Олеся появилась с коробкой прищепок и сразу заметила пустое место.

— Может, сегодня без председателя очереди? — спросила я.

— Председатель не выжил ещё в прошлый раз. Но Николай Кузьмич всегда был здесь до нас.

Она оглядела дорогу. У колонки уже собрались дачники. Мужчина с бочкой снова привёз свою тележку, но теперь поставил её так, чтобы колесо не угодило в выбоину. Женщина в соломенной шляпе принесла два ведра и справку от соседки, написанную на обороте чека.

— Чтобы вы не думали, что я выдумала давление, — объ-

яснила она Олеся.

— Давление у нас сегодня проверяется водой, а не документами.

Настасья Петровна нажала рычаг колонки и посмотрела на меня.

— Пришёл?

— Нет.

— Значит, подождём до включения.

Ждать пришлось среди разговоров о воскресном собрании. Лидия Серова обещала показать материалы перед голосованием, однако копию старого плана никто не видел. По очереди прошёл слух, что Николай Кузьмич уехал к сыну. Он звучал уверенно, хотя ни один человек не мог назвать время отъезда.

— Вчера вечером уехал, — сказала женщина в шляпе.

— Вы видели?

— Нет. Мне Тамара сказала.

Тамара стояла через три человека и сразу отказалась от авторства.

— Я сказала, что слышала от правления.

— От кого именно? — спросила Олеся.

Тамара задумалась и посмотрела на дачника с зелёным ведром. Тот поднял обе руки.

— Я только объявление читал.

Олеся опросила людей по одному. Через пять минут выяснилось, что Серова сказала двум дачникам: Николай Кузь-

мич, вероятно, уехал. Остальные отбросили слово «вероятно» ещё до завтрака.

— Хорошо работает деревенская связь, — сказала Олеся.
— Восемь человек, одна догадка, и к восьми утра она уже стала готовой историей об отъезде.

— Он мог уехать, — возразил мужчина с бочкой. — Взрослый человек.

Настасья Петровна поставила возле колонки две пустые банки.

— Мог. Только четверговую воду не пропускал.

Она знала режим Николая Кузьмича. Утром он принимал лекарство, после чего набирал воду и завтракал. Если вода задерживалась, он сидел у колонки с кружкой и ругал график. Однажды насос включили на сорок минут позже, и Николай Кузьмич успел написать жалобу, пока остальные только ругались.

Я набрала его номер. В трубке слышались длинные гудки. Возле колонки не раздалось знакомого звонка, но это ничего не доказывало и спокойствия не добавляло.

Со стороны СНТ подошёл Вадим Горшков. На этот раз без планшета. Он спросил, почему все стоят молча, и услышал сразу пять ответов.

— Николай Кузьмич уехал, — сказал Горшков. — Вчера видел его на дороге. С сумкой.

— Куда шёл? — спросила я.

— К остановке, куда ещё.

— Во сколько?

Он посмотрел на небо, словно время было записано там.

— Поздно. Часов в одиннадцать.

Олеся вынула телефон.

— Последний автобус прошёл раньше.

— Значит, его забрали. Я подробностей не спрашивал.

Горшков подошёл к шкафу возле насосной и открыл дверцу своим ключом. Я вспомнила два удара Николая и третий отклик старой линии. Сегодня Николай не пришёл, но доступ к системе у Горшкова оставался.

Лидия Серова появилась через несколько минут. Она принесла пачку объявлений и начала раздавать их дачникам. В каждом сообщалось, что собрание состоится в воскресенье независимо от числа слухов, жалоб и личных обид. Последние два слова были вписаны от руки.

Я спросила про Николая Кузьмича. Серова ответила, что ей передали о его отъезде.

— Кто передал?

Она кивнула в сторону насосной.

— Вадим видел его на дороге. Вера, взрослые люди не обязаны отчитываться перед колонкой.

— Он обещал принести мне документы.

— Николай обещал документы всем. Чаще приносил вопросы.

Серова говорила с раздражением, но не выглядела встревоженной. Для неё отсутствие Николая решало одну пробле-

му перед собранием. Возможно, именно поэтому версия об отъезде показалась ей удобной.

В насосной загудел мотор. Около колонки прекратили спорить и выставили вёдра. Я ждала знакомого дрожания трубы, но Настасья Петровна коснулась моего локтя.

— Иди к его дому.

— А вода?

— Воду без тебя наберём.

— И прищепку сохраним, — добавила Олеся. — У тебя белая, без права на скандал.

Я успела сделать несколько шагов, когда из трубы пришли два коротких удара. Они прозвучали близко друг к другу. Третий пока не ответил.

Дом Николая Кузьмича стоял на краю деревни, ближе к дороге в СНТ. Калитка была закрыта на задвижку изнутри, но невысокий забор позволял видеть двор. На столе под навесом осталась кружка. У крыльца стояли рабочие сапоги, которыми Николай пользовался на участке. Дверь дома была заперта.

Соседка вышла, когда я второй раз позвала хозяина. Невысокая женщина в домашнем платье остановилась у своей калитки и прижала ладонь к груди.

— Не входите без него. Он не любит.

— Я и не собираюсь. Вы видели, как он уезжал?

— Нет. Вечером свет горел. Потом дождь начался.

— Сильный?

— Минут десять. Мне бельё намочил, а земле почти ничего.

Её звали Нина Андреевна. Она знала, что сын Николая жил в городе, но адреса не знала. Телефон сына был записан у Серовой, потому что правление собирало контакты на случай аварий.

Я прошла вдоль забора, не заходя во двор. Возле калитки в траве белел небольшой аптечный пакет. Он лежал у нижней доски, словно выскользнул из руки при выходе. Сверху бумага оставалась чистой, снизу потемнела от воды.

— Это его? — спросила я.

Нина Андреевна наклонилась, но через забор не потянулась.

— Из нашей аптеки. Николай вчера ходил. У него таблетки закончились.

На пакете сохранился чек. Время покупки — без двадцати семь вечера. Дождь, по словам соседки, начался после полуночи. Значит, пакет пролежал на земле ночью, а не выпал сегодня утром.

Я сфотографировала его на месте и позвонила участковому. Тот выслушал меня без восторга, но после слов про лекарства обещал приехать. Он попросил ничего не трогать и найти родственника.

Возле калитки земля была размокшей сильнее, чем у соседнего забора. Вода стекала сюда из водосточной трубы. На влажном участке отпечатался носок ботинка. След шёл от

двора к дороге. У края канавы рисунок подошвы расплылся, а рядом тянулась широкая полоса. В ней не было чёткого следа колеса. Скорее, по земле протащили тяжёлую сумку или человек оступился и провёл ногой по грязи.

На доске забора остался свежий мазок грязи. Он начинался на уровне ладони и уходил вниз.

Нина Андреевна подошла ближе, но осталась за своей калиткой.

— Может, упал?

— Мог.

— И всё равно уехал?

— Пока не знаю.

Я позвонила Серовой и попросила номер сына. Она начала объяснять, что персональные данные не раздают соседям. После слов про пакет с лекарствами Серова продиктовала номер, но попросила не называть её источником. В деревне охрана персональных данных обычно заканчивалась там, где начиналась ответственность.

Сын Николая ответил не сразу. Его звали Михаил. Услышав имя отца, он решил, что речь о собрании, и тяжело вздохнул.

— Он опять жалобу написал?

— Он пропал. Вы ждали его вчера или сегодня?

Молчание в трубке длилось несколько секунд.

— Нет. Мы виделись две недели назад. Он не собирался приезжать.

— У него есть ключи от вашей квартиры?

— Есть, но он не ездит без звонка. А что случилось?

Я описала только то, что видела. Михаил позвонил отцу со второго телефона и вернулся к разговору через минуту.

— Не отвечает. Утром обычно отвечает. У него лекарства по времени.

Михаил уточнил, лежит ли на столе синяя папка. С улицы я видела только кружку и сложенную газету. Папки под навесом не было. Он сказал, что отец собирался взять на встречу старую схему и два дня проверял, все ли листы на месте. После этого просьба не входить в дом прозвучала уже не как осторожность, а как необходимость сохранить то, что осталось.

Он обещал приехать и попросил не заходить в дом до участкового. Это совпадало с моим намерением, хотя Нина Андреевна всё ещё смотрела на меня так, словно журналисты открывали двери взглядом.

Участковый приехал через сорок минут. Он осмотрел калитку и пакет, записал данные Нины Андреевны и связался с Михаилом. В дом без родственника входить не стал. След у канавы он сфотографировал с линейкой и признал, что версия добровольного отъезда требует проверки.

— Следы после дождя? — спросила я.

— Часть до, часть после. Здесь земля сохнет неравномерно.

— Полоса к дороге вас не смущает?

— Смущает всё, что вы уже успели назвать следом волочения.

— Я назвала полосой.

— Вот полосой и оставим.

Он говорил спокойно, но пакет с лекарствами забрал в перчатках. Это было важнее замечания. Михаилу он велел ехать прямо к дому и взять документы отца.

Когда я вернулась к колонке, воду уже отключили. Мои канистры стояли у калитки Настасьи Петровны, а на одной ручке болталась белая прищепка. Олеся сидела на лавке и записывала ответы дачников.

— Никто не видел отъезда, — сказала она. — Зато трое видели, как остальные не видели. Полезное наблюдение, но в протокол не войдёт.

Я рассказала про лекарства и след. Настасья Петровна убрала банки в тень и спросила, когда был дождь. Услышав время, она кивнула.

— Значит, пакет бросили раньше.

— Или он выпал до дождя.

— Его бросили или он выпал — разберутся. Главное, без лекарства он надолго не уезжал бы.

Мы пошли к правлению. Возле стенда Серова раскладывала копии повестки. Горшков стоял у открытого окна и разговаривал по телефону. Увидев нас, он оборвал разговор и убрал телефон.

Я спросила, когда именно он видел Николая. Горшков по-

вторил, что около одиннадцати вечера. Потом добавил, что дождь уже прошёл.

— Дождь начался после полуночи, — сказала я.

Он нахмурился.

— Значит, позже. Я не смотрел на часы.

— Вы сказали, что он шёл к остановке. После полуночи автобусов нет.

— Его могла ждать машина.

— Какая?

— Любая. Я не обязан разглядывать каждую машину на дороге.

Серова захлопнула папку.

— Вера, участковому сообщили?

— Да.

— Тогда зачем вы устраиваете опрос здесь?

— Хочу понять, откуда пошла версия, что Николай уехал к сыну.

— Я такого не говорила. Я сказала, что он мог уехать.

Олеся открыла свои записи.

— Тамара слышала «уехал». Валентина с третьей улицы добавила «к сыну». Пётр с зелёным ведром решил, что вчера. К восьми утра версия была готова.

— Прекрасно, — сказала Серова. — Теперь ещё протокол слухов составьте.

— Уже, — ответила Олеся. — У нас обслуживание быстрее правления.

Серова посмотрела на неё, но спорить не стала. Она повернулась ко мне.

— Николай несколько недель обещает сорвать сделку. Он мог исчезнуть специально, чтобы все решили, будто мы его убрали.

Серова замолчала; даже Горшков отвёл взгляд.

— Вы впервые связываете его отсутствие со сделкой, — заметила я.

— Потому что вы всё к ней ведёте. У нас собрание через три дня. Если его сорвут, покупатель уйдёт, а осенью мы останемся с дырявой трубой.

— Николай хотел показать старый план.

— Покажет, когда вернётся.

Серова взяла пачку объявлений и ушла в правление. Горшков задержался у окна. Я спросила, была ли у Николая сумка через плечо или в руке. Он ответил, что в руке. Затем добавил, что сумка могла быть пакетом. На этом точность его воспоминаний закончилась.

Мы отошли к дороге. Олеся убрала телефон.

— Он видел человека, время не знает, дождь переставил, сумку уменьшил до пакета. Ещё немного, и выяснится, что Николай был без Николая.

— Вадим знает больше, чем говорит, — сказала я.

— Или уже понял, что лишнее сказал.

Настасья Петровна не стала выбирать между двумя вариантами. Она предложила вернуться к трубе и проверить уда-

ры, пока насос ещё не остыл. У колонки оставалось несколько дачников. Они обсуждали исчезновение Николая громче, чем утром спорили о воде.

Олеся встала на бетонное основание и подняла руку.

— Сейчас всем нужно молчать десять секунд.

— Зачем? — спросил мужчина с бочкой.

— Проверяем, возможно ли это технически.

Первые десять секунд закончились на третьей. Женщина в шляпе вспомнила, что у неё открыт кран. Мужчина с бочкой сказал, что это не разговор, а важное уточнение. Олеся поставила секундомер заново и объявила, что каждый звук возвращает отсчёт к началу.

На четвёртой попытке очередь выдержала десять секунд. Для многих это оказалось тяжелее ожидания воды.

Настасья Петровна попросила по очереди закрыть краны на ближних участках. Я стояла у трубы с телефоном. Олеся отмечала время. Сначала слышался только шум воды в системе. Затем со стороны насосной донёсся удар. Через короткую паузу — второй. Оба звенели яснее, чем на прошлой неделе, словно по металлу ударили ближе к камере.

Мы ждали. Третий отклик прозвучал позже, слева, вдоль старого коридора. Он был глуше и ниже.

Я включила прошлую запись. Паузы между первыми двумя ударами почти совпали. Задержка перед третьим отличалась от прошлой лишь на несколько мгновений. Неделю назад Николай Кузьмич сам дважды постучал ключом по тру-

бе. Сегодня его возле трубы не было.

— Первые два идут от насосной, — сказала я. — Третий отвечает со старой линии.

— Значит, там стучат, — решил мужчина с бочкой.

— В насосной или рядом с ней, — уточнила я.

— Горшков?

Прямой вопрос прозвучал раньше, чем появились основания для ответа. Доступ к насосу имели правление и водопроводчик, но сам по себе ключ не доказывал вину. В голове уже складывалась версия о человеке, который ночью запускает систему и дважды бьёт по трубе. Я напредила себе: сначала факты, потом имя.

Настасья Петровна сняла ладонь с трубы.

— Звук показывает место. Имя к нему не прилагается.

Мы пошли вдоль старого коридора. Земля после ночного дождя сохранила следы у дороги. Возле канавы, в нескольких метрах от поворота к насосной, Олеся остановилась.

В грязи отпечатался носок ботинка. Край пятки размыло, но рисунок подошвы был виден. Такой же косой разрез я заметила у калитки Николая. Рядом тянулась широкая полоса, словно человек оступился и протащил ботинок к дороге.

Я присела, не касаясь земли, и вызвала участкового ещё раз. За спиной труба отозвалась третьим глухим ударом. Два первых пришли из работающей системы. Третий прозвучал с задержкой и отдался под старой границей, где на новой схеме не было ни трубы, ни причины для звука.

Глава 3. Председатель знает лучше

После разговора у старого коридора участковый велел нам не ходить к насосной без него и не принимать каждый след за доказательство. Он уехал к дому Николая Кузьмича, где уже ждали его сына, а мы остались возле правления.

Лидия Серова вышла на крыльцо с папкой и предложила показать, куда уходят взносы. Предложение прозвучало так, будто она приглашала меня не на прогулку, а на исправительные работы.

— Вы хотите проверить наши долги? — спросила она. — Пойдёмте. Только потом расскажите и про тех, кто не платит.

— Я ничего пока не рассказываю.

— Журналисты долго молчат только перед публикацией.

Олеся сообщила, что через час у неё клиентка, поэтому на экскурсию по должникам она не пойдёт.

— Я вернусь к вечеру, — сказала она мне. — А ты не покупай трубу, пока меня нет.

Настасья Петровна пошла с нами. Она хотела посмотреть пожарный пруд.

В правлении Серова разложила на столе списки задолженности и счета за ремонт насоса. Общий долг за два года оказался большим, но даже его полного погашения не хватало на замену всей линии.

— Вот сумма, — сказала Серова. — На неё можно заменить участок трубы до первой развилки.

— Если все заплатят?

— Если сегодня. Но сегодня не заплатят.

Я попросила отделить старые долги от текущих расходов и стоимости полной замены. Серова достала калькулятор. Выручка от продажи позволяла погасить счета и внести первый платёж подрядчику. Остальное товарищество собиралось выплачивать два сезона.

— А если покупатель уйдёт? — спросила я.

— Опять латаем. Весной меняем муфту, летом ищем новую течь, осенью объясняем пожарным, почему пруд пустой.

Она показала акт проверки, составленный в конце мая. Уровень воды в пожарном пруду признали недостаточным. До августа товарищество должно было восстановить подачу.

— Вот вам обычная бумага, — сказала Серова. — Без духов и загадок.

Она повела нас к участку через две улицы. Из земли у забора сочилась вода. Хозяин отвёл её к малине и потому считал течь почти полезной.

— Я в субботу переведу взнос, — сказал он, увидев Серову.

— Вы это в прошлую субботу говорили.

Хозяин посмотрел на меня и решил, что я новый сборщик.

— Вы из бухгалтерии?

— Нет.

— Тогда зачем записываете?

Серова сообщила, что я журналистка. Это подействовало хуже бухгалтерии. Хозяин сразу назвал сумму спорной.

Серова попросила его перекрыть кран. Вода в канавке не исчезла.

— Линия течёт до вашего отвода, — сказала она. — За месяц ушло больше, чем вы набираете за лето.

— Значит, чините.

— На что?

Хозяин отвёл взгляд и снова пообещал заплатить в субботу.

— В субботу переведу.

К пожарному пруду мы пришли по дорожке между участками. Вода отошла от берега. Труба, которая должна была наполнять пруд после запуска насоса, заканчивалась над полосой тёмной земли. Из трубы капало.

Серова спустилась к краю, подняла брошенную бутылку и отнесла её к мешку возле скамейки.

— Когда меня выбирали, обещали уважение. Про бутылки не предупреждали.

— Председательство обычно передают без инструкции, — сказала я.

— Зато вместе с чужими долгами и уверенностью, что я всем обязана.

Я признала, что проблема с водой настоящая. Серова на-

сторожила, ожидая продолжения.

— Но это не объясняет, почему пункт о продаже добавили перед самым собранием.

— Объясняет срок покупателя.

— И отсутствие старой схемы?

— Её ищут.

— Николай Кузьмич обещал показать свою копию. Теперь его нет.

Серова застегнула папку.

— Один человек не должен держать всех за горло.

— Он держал или задавал вопросы?

— Он срывал любое решение. Требовал новый расчёт, потом старый план. Пока мы собирали бумаги, подрядчик поднял цену.

— Это не даёт права решать без него.

— Без него никто не решает. Решает большинство.

Настасья Петровна спросила, что будет, если старая граница указана верно. Серова ответила после паузы:

— Горшков проверил схему. Он за неё отвечает.

Мы вернулись в правление к полудню. За столом сидела секретарь товарищества Валентина Аркадьевна. Она печатала доверенности на старом ноутбуке и каждый раз нажимала на клавиши так, словно закрывала вопрос навсегда.

На стенде висела повестка, которую я уже видела. Рядом появилась новая копия. Дата собрания совпадала, но формулировка второго пункта изменилась. Теперь продажу кори-

дора назвали «распоряжением частью общего имущества в целях реконструкции водопровода».

— Вчера было короче, — сказала я.

Валентина Аркадьевна не оторвалась от экрана.

— Уточнили юридически.

— Где прежний вариант?

— Выбросили. Там техническая ошибка.

— Какая?

— Не было цели распоряжения.

Я сфотографировала стенд. Секретарь услышала щелчок и закрыла ноутбук.

— Внутри помещения фотографировать нельзя.

— Я сняла объявление на стенде.

— Стенд относится к правлению.

— Тогда зачем он висит для всех?

Валентина Аркадьевна посмотрела на Серову. Та сняла очки и потёрла переносицу.

— Объявление фотографируйте. Внутренние бумаги — только с разрешения правления.

Я попросила показать сообщение, которым членов СНТ уведомляли о собрании. Секретарь открыла общий чат на телефоне. Первое сообщение отправили во вторник. В нём речь шла о ремонте линии и дополнительных взносах. Пункт о продаже появился в новом файле утром в четверг, то есть за три дня до собрания.

— Решение правления приняли в среду вечером, — объ-

яснила Серова. — После разговора с покупателем.

— Где протокол?

— На подписи.

— У кого?

— У членов правления.

Один из них, мужчина в клетчатой рубашке, сидел у окна и разбирал квитанции. Я спросила, видел ли он окончательную повестку в среду. Он ответил, что обсуждали ремонт и предложение застройщика. Точную формулировку он не помнил.

— А продажу коридора обсуждали?

— Разумеется.

— Голосовали?

Мужчина посмотрел на Серову.

— В целом поддержали.

— Это не ответ.

— Я не секретарь.

Валентина Аркадьевна возмутилась, потому что секретарь отвечала только за оформление, а не за память членов правления. Спор быстро дошёл до вопроса, кто должен был сохранить первый вариант повестки. Его нашли в телефоне женщины из соседнего ряда. Она получила файл во вторник и не открывала его, зато переслала Олеся с просьбой объяснить, за что снова хотят денег.

Я сравнила документы на экране. В раннем тексте продажу земли не упоминали. Там предлагали утвердить ремонт и

размер целевого взноса. Новый пункт появился позже и менял смысл собрания.

— Сохраните обе версии, — попросила я. — Удалять ничего не надо.

Серова захлопнула папку, которую всё утро носила с собой.

— Вы распоряжаетесь нашими документами?

— Прошу сохранить.

— А копировать внутренние бумаги я вам запрещаю.

— Файл уже разослали членам товарищества.

— Старый файл не действует.

— Поэтому он и важен.

Валентина Аркадьевна отодвинула телефон. Мужчина у окна перестал разбирать квитанции. Серова оглянулась на слушателей и предложила продолжить у пожарного пруда. Там её ждал представитель застройщика.

Пётр Зорин приехал на серой машине и остановился у шлагбаума. Серова заставила его переставить машину. Он подчинился, но посмотрел на часы.

Зорину было около сорока. Он представился руководителем проекта и сразу пояснил, что не уполномочен обсуждать внутренние решения СНТ. Серова подвела его к пруду и показала трубу.

— Вот реальная причина, почему нам нельзя тянуть.

— Я её видел, — сказал Зорин. — У нас встреча на десять минут.

— Вы торопитесь больше нас, — заметила я.

Он узнал моё имя от Серовой и спросил, представляю ли я издание. Я ответила, что пока представляю только себя. Это ему не понравилось, но уходить он не стал.

— Тогда задавайте вопросы как частное лицо.

— Какие документы вы потребовали перед оплатой?

Зорин на секунду замешкался перед ответом.

— Решение общего собрания, документы на участок, схему границ. Стандартный пакет.

— Старый водопроводный коридор на схеме есть?

— Есть действующий коридор.

— Я спросила про старый.

Он посмотрел на Серову. Председатель ответила вместо него:

— Старый не используется.

— На прошлой неделе оттуда пришёл отклик по трубе.

Зорин пожал плечами.

— Я не специалист по звукам. Для сделки важны зарегистрированные сведения и отсутствие спора.

— Спор есть. Николай Кузьмич возражал против границы.

— Возражение одного члена товарищества не всегда означает обременение.

— А пометка о спорном коридоре?

Зорин перестал смотреть на часы. Серова повернулась к нему.

— Какая пометка?

Зорин замолчал и посмотрел на Серову. После паузы признал: в предварительном пакете была копия старого плана. На полях стояла запись о необходимости проверить прохождение трубы. Горшков объяснил, что план устарел, а пометка относится к прежней канаве.

— Вы проверили его объяснение? — спросила я.

— Мы запросили актуальную схему и получили её.

— От Горшкова?

— От правления через кадастрового инженера.

— И вас устроило?

— У нас нет оснований проводить собственное межевание чужого имущества. Продавец подтверждает чистоту границы.

Серова сжала ручку папки.

— Вадим говорил, что в старом плане ошибка уже снята.

— Он дал пояснение, — ответил Зорин. — Я не оцениваю ваши внутренние разногласия.

— Но срок поставили вы, — сказала я.

— Наше предложение действует до понедельника. Потом техника уходит на другой объект, и цена меняется. Это хозяйственный срок, а не давление.

— Подпись нужна в понедельник?

— Да. После надлежащего решения собрания.

Зорин подчеркнул последнее слово. Ему нужна была сделка, и он, похоже, предпочитал не вникать, как Серова добьёт-

ся решения. Однако с исчезновением Николая Зорина пока ничто напрямую не связывало: в насосную он не входил, по старой дороге ночью не ездил, а документы получал через правление.

Перед отъездом он ещё раз напомнил Серовой о понедельнике. Машину переставил аккуратно и не задел шлагбаум. Это почему-то раздражало сильнее, чем если бы он нарушил хоть одно правило.

Серова проводила его до дороги, затем вернулась ко мне.

— Теперь вы видите? Если мы не успеем, цена вырастет.

— Вижу. Ещё вижу, что старый план был у покупателя.

— Я о нём не знала.

— Горшков знал.

Она ничего не ответила. Впервые за день уверенность Серовой дала трещину, но через минуту она снова заговорила о пруде и долгах.

К вечеру Олеся освободилась и пришла к насосной. С ней был дежурный член правления — тот самый мужчина в клетчатой рубашке. Звали его Борис Павлович. Без Серовой он оказался разговорчивее, но начал с просьбы не впутывать его в уголовное дело.

— Я только ключи выдаю по графику.

— Отлично, — сказала Олеся. — Нам нужен график, не признание.

Борис Павлович открыл наружный шкаф. На дверце висел журнал выдачи ключей, а внутри темнели старый счётчик и

погасший блок регистратора нагрузки. Страницы держались на шнурке, чтобы их не унесло ветром. В четверг последняя запись относилась к утреннему запуску. Я попросила показать среду.

Вечером ключ брал Горшков. В графе «цель» стояло: «проверка давления». Выдача была отмечена в 23:10. Отметки о возврате не было.

— Почему ночью? — спросила я.

— Он сказал, жалоба пришла с крайнего участка. Надо было проверить обратный клапан.

— Кто жаловался?

— Не помню. Вадим звонил.

— Вы сами были здесь?

— До половины двенадцатого.

— Ключ вернули при вас?

Борис Павлович посмотрел на запись.

— Наверное. Раз он потом висел на месте.

— В журнале возврата нет.

— Значит, забыл записать.

Я сравнила почерк. Время выдачи написал Борис Павлович: крупные цифры с открытой четвёркой. Строку о цели заполнял другой человек. Буквы были мелкими, наклонёнными вправо.

— Это Горшков написал?

— Возможно. Он иногда сам вписывает, когда я занят.

— А ключ кто вернул?

Борис Павлович потёр шею.

— Утром висел. Я пришёл перед запуском — висел.

— Значит, вы не видели возврата.

— Не видел.

Олеся попросила его не оглядываться на правление и вспомнить, во сколько он ушёл. Борис Павлович признался, что ушёл в двадцать три сорок. Горшков оставался возле насосной. Доступ он просил на десять минут.

— Почему не забрали ключ?

— Он инженер. Я ему не сторож.

— А ночью сюда ещё приезжали? — спросила я.

Борис Павлович помедлил.

— Александру Ерёмину звонили.

Это имя я уже слышала. Местного водопроводчика чаще называли Сашкой, хотя ему было далеко за сорок. Он ремонтировал деревенскую линию и несколько лет обслуживал СНТ, пока не поссорился с правлением.

— Кто звонил? — спросила я.

— Серова велела вызвать. Давление упало.

— Он приехал?

— Я его не видел. Может, был с другой стороны.

— В журнале есть запись?

Борис Павлович перелистнул страницу. Имени Александра не было.

— У него раньше был свой ключ, — сказал он. — Потом потребовали сдать.

— Сдал?

— По бумагам — да.

Серова подошла от правления раньше, чем мы успели продолжить. Она увидела открытый журнал и сразу спросила Бориса Павловича, кто разрешил его показывать.

— Это журнал доступа, — ответил он. — Не семейная тайна.

Олеся встала между ним и Серовой, не повышая голоса.

— Он имеет право говорить без вас.

— Он член правления.

— Поэтому особенно имеет.

Серова повернулась ко мне.

— Вы уже нашли виноватого?

— Устанавливаем, у кого был ключ ночью.

— Горшков проверял давление по моему поручению.

— Почему без времени возврата?

— Борис опять не заполнил журнал.

— Он не видел, когда ключ вернули.

Серова посмотрела на Бориса Павловича. Тот занялся шнурком на журнале.

— А Александр? — спросила я. — Вы вызывали его?

— Вызывала. Он не ответил.

— Борис Павлович говорит, что Александру звонили.

— Звонок и разговор — разные вещи.

— У Александра мог остаться дубликат?

Серова закрыла дверцу шкафа.

— У него могло остаться всё что угодно. Он обслуживал эту систему много лет, потом потребовал оплату за работы, которых никто не заказывал. После конфликта ключи сдал, но копию сделать мог.

— Почему вы не сменили замок?

— Потому что замена замка тоже стоит денег.

Она произнесла это без насмешки. Любой вопрос в СНТ упирался в одну и ту же сумму, которой не было.

Серова забрала журнал у Бориса Павловича и сказала, что дальше доступ к нему возможен только через участкового. Я успела записать время выдачи ключа Горшкову и отсутствие отметки о возврате.

На дороге Олеся спросила, с кого начнём. Имя Горшкова напрашивалось само. Он соврал о времени отъезда Николая, знал о старом плане и ночью оставался у насосной. Однако Александр знал систему лучше, имел инструменты и конфликтовал с правлением. Если у него сохранился дубликат, он мог войти без записи.

— С Александра, — решила я. — Сначала выясним, зачем ему звонили ночью и приезжал ли он.

Настасья Петровна посмотрела на меня, но спорить не стала.

За спиной щёлкнул замок наружного шкафа. Серова унесла журнал в правление, а в моей тетради осталась точная строка: Горшков взял ключ в двадцать три десять. Утром ключ оказался на месте. Кто и когда его вернул, Борис Пав-

ЛОВИЧ НЕ ВИДЕЛ.

Глава 4. Водопроводчик с ключами

Мастерская Александра Ерёмина стояла за его домом, у самой границы деревни. Мы пришли туда к восьми вечера, когда жара немного отступила, а металл уже не обжигал ладони. За открытой дверью гудел небольшой вентилятор. На верстаке лежала разобранная колонка, рядом темнела чашка с остывшим чаем.

Александр сидел на табурете и менял прокладку в старом кране. На нас он посмотрел без радости.

— Серова прислала?

— Мы сами пришли, — ответила я.

— Это хуже. Серова хотя бы сразу говорит, чего хочет.

Олеся заглянула в мастерскую и осторожно отодвинула ногой ящик. На крышке было написано «не трогать». Ниже другой рукой добавили: «особенно Сашке».

— Сам себе запрещаете? — спросила она.

— Это племянник написал. После того как я три дня искал отвёртку у него в велосипеде.

Настасья Петровна осталась у двери. Она не любила тесные помещения, где инструмент висел над головой. Александр предложил стул, но она отказалась и спросила, не упадёт ли на нас ключ со стены.

— Если не задавать ему лишних вопросов, не упадёт.

Я достала тетрадь. Александр сразу положил кран на вер-

стак.

— Записывайте точно. А то потом выяснится, что я ночью украл Николая, продал трубу и выпил пожарный пруд.

— Николай Кузьмич пропал. В среду ночью в системе падало давление. Серова звонила вам, а в журнале доступа вашего имени нет.

— Потому что я не входил в насосную.

— Вы приезжали?

— Приезжал.

Александр ответил сразу, и подготовленный вопрос пришлось перестроить.

— Во сколько?

— После одиннадцати. Точнее не скажу. Телефон в мастерской лежал, пока я во дворе возился.

— Серова утверждает, что вы не ответили.

— Я ей не ответил. Она звонила три раза. Потом Борис Павлович позвонил и сказал, что Горшков просил передать: на крайней линии упало давление. Я пришёл посмотреть снаружи.

— Почему не сказали участковому?

Александр поднял с пола тяжёлый разводной ключ и положил на верстак.

— Он меня не спрашивал. А если спросит, отвечу.

— Вы знаете, что Николай исчез примерно в то же время?

— Теперь знаю. Вчера не знал.

— Видели его?

— Нет.

— Видели Горшкова?

Александр посмотрел на меня внимательнее.

— Мы уже дошли до правильной фамилии или пока просто разогреваемся?

— Я спрашиваю о том, что вы видели.

— Синяя машина стояла у правления. Такая у Горшкова. Самого его не заметил.

Олеся присела на свободный край верстака, но Александр тут же подложил под неё газету.

— Там масло.

— Спасибо. Наконец человек предупредил до неприятности, а не после.

Я спросила, почему Александр не вошёл на территорию через ворота. Он объяснил, что после конфликта с правлением его туда не пускали без вызова. В среду ворота были закрыты, наружный шкаф тоже. Он обошёл линию со стороны деревни и приложил ладонь к трубе возле старого колодца.

— Насос работал короткими толчками, — сказал он. — Потом остановился. Я решил, что Горшков уже внутри и сам разберётся.

— Вы слышали удары?

— Один раз. Два близко, потом ещё один дальше. Решил, что клапан гуляет.

— Почему не проверили?

— Потому что без ключа я туда не полезу. А если бы по-

лез, Серова утром выставила бы мне счёт за весь водопровод.

Александр говорил раздражённо, но не путался. Я перечислила только то, что уже знала: ночной вызов, отсутствие записи, свежие следы у трубы и два удара перед подачей воды. Он выслушал, затем подтянул к себе ключ.

— Следы покажете?

— Покажем, если вы объясните свои.

— Мои не прячутся. Я этой трубой семь лет занимался.

Он открыл ящик и достал тетрадь с замасленной обложкой. Внутри были даты ремонтов, размеры муфт и короткие пометки. Часть записей относилась к СНТ, но после прошлой осени они обрывались.

— Можно сфотографировать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что здесь мои расчёты и чужие долги. Серова увидит, начнёт выбирать удобные страницы.

— Тогда покажите записи по наружной линии.

Александр пролистал тетрадь сам. В мае он подтягивал соединение у шкафа. В июне менял прокладку возле поворота к пожарному пруду. Напротив обеих работ стояла отметка «не оплачено».

— Сколько вам должны? — спросила Олеся.

— Столько, что уже неудобно говорить вслух. Вдруг заплатят и придётся удивляться.

Я попросила показать разводной ключ, которым Алек-

сандр обычно работал на внешней линии. На ручке сохранилась потёртая синяя изолента.

— Ключ ваш?

— Мой. Изолента тоже моя. Только не делайте из неё преступную группу.

Мы пошли к насосной по старой дороге. Александр нёс ключ в руке, а тетрадь оставил в мастерской. Возле ворот нас встретил закрытый замок. Серова унесла журнал в правление, и доступ на территорию теперь зависел только от неё.

— Нам внутрь не надо, — сказал Александр. — Следы снаружи.

Он подвёл нас к участку трубы, который выходил из земли возле наружного шкафа. Металл был покрыт ржавчиной, но на муфте блестели старые вмятины. Александр показал две точки, где затягивал соединение весной.

— Ключ прикладывайте без нажима, — предупредила я.

— Я и без журналиста знаю, что улику не надо улучшать.

Он раздвинул губки и приложил ключ к муфте. Края совпали со старыми вмятинами. Расстояние между ними соответствовало ширине захвата. Это подтверждало, что Александр работал здесь, но не объясняло, когда появились следы.

Я положила рядом линейку и сделала снимок.

Александр заставил меня сделать ещё один общий снимок, чтобы в кадр попали шкаф и край дорожки.

— Иначе через неделю вы сами не поймёте, где эта муфта.

— Я помню.

— Все помнят, пока фотографий не становится сорок. Потом левая труба внезапно переезжает направо.

Он попросил положить линейку не вдоль царапины, а поперёк. Первый кадр забраковал: тень от моей руки закрыла край вмятины. На втором в кадр вошёл носок Олесиной туфли.

— Туфлю оставим для масштаба? — спросила она.

— Только если у неё есть свидетельство о поверке, — ответил Александр.

На третьем снимке всё оказалось видно. Я снова записала номер и место. Уже начинала понимать, почему мастера не любят людей с телефонами: мы верили фотографии больше, чем тому, кто семь лет затягивал эту муфту.

— Подпишите, что это старая вмятина, — потребовал Александр.

— Где?

Он достал из кармана карандаш и протянул мне.

— На бумаге. Фото номер один: левая старая вмятина. Фото номер два: правая старая. Иначе вечером перепутаете, а утром обвините меня в нападении на муфту.

Олеся нашла в сумке чек и перевернула чистой стороной. Я записала номера снимков.

— Подпись поставьте, — сказал Александр.

— Мою?

— Свою. Я свою трубу узнаю.

— Труба не ваша.

— Вот из-за таких слов мы и дошли до собрания.

Настасья Петровна попросила всех отойти на шаг. Она присела возле муфты и показала на светлую царапину ниже старых вмятин.

— Эта свежее.

Александр наклонился. Царапина была короче и на несколько миллиметров уже старых вмятин. По краю осталась синяя точка, почти незаметная на ржавчине.

— Моя изолента такого следа не оставляет, — сказал он.

— А ключ? — спросила я.

— Губки шире.

Он приложил инструмент рядом, не касаясь царапины. Разница была небольшой, но заметной.

— Любой разводной ключ подходящего размера даст похожий след, — добавил Александр. — И газовый может. По одной царапине владельца не найдёте.

— Но старые вмятины ваши.

— Я этого не скрывал.

— А ночью вы были рядом.

— Снаружи.

— Без оформленного допуска.

Александр выпрямился.

— На деревенской дороге мне допуск не нужен.

Он отвечал всё короче, но я продолжила.

— У вас мог сохраниться дубликат ключа от ворот или

шкафа.

— Мог. А ещё я мог вырыть тоннель из мастерской. Только ключи я сдал при Борисе Павловиче.

— Копию сделать успели бы.

— Успел бы. Не сделал.

В этот момент от правления появилась Серова. Она шла быстро, держа под мышкой папку. За ней спешил Борис Павлович, который явно жалел, что сообщил ей о нас.

— Что здесь происходит? — спросила Серова.

Александр показал на трубу.

— Вера Сергеевна проводит экспертизу по чеку из магазина.

— Я фиксирую следы.

— На территории товарищества без разрешения?

— Мы стоим снаружи.

Серова подошла к муфте и увидела ключ Александра.

— Уберите инструмент от трубы.

— Он не касается металла, — ответила я.

— Мне всё равно. Завтра выложат фотографию и напишут, что водопроводчик ломал линию.

— Я ничего не выкладываю.

— Пока.

Александр закрыл ключ и сунул его за пояс.

— Лидия, ты сама мне ночью звонила.

— Я звонила, потому что упало давление.

— А сегодня рассказываешь, что я мог сделать копию

ключа.

Серова повернулась к нему.

— Я сказала, что не могу гарантировать обратное.

— Очень хозяйственная формулировка. Вроде не обвинила, а человеку уже советуют адвоката.

Борис Павлович остановился в стороне. Олеся спросила, почему Серова не сообщила участковому про ночной вызов сразу. Председатель ответила, что Александр не подтвердил приезд, а значит, она не могла выдавать предположение за факт.

— Вы зато без труда предположили, что Николай уехал,

— сказала я.

Серова сжала папку.

— Я пришла не спорить. Прекратите самодеятельность и отойдите от насосной.

Александр первым пошёл к дороге. Мы двинулись за ним. Серова осталась возле шкафа и проверила замок, хотя никто к нему не прикасался.

По дороге к деревне Олеся догнала Александра.

— Саш, один вопрос без тетради и линейки.

— Я Александр.

— Хорошо, Александр. Кого вы защищаете молчанием?

Он остановился.

— Себя.

— От чего?

— От их порядка. Если признаю, что был возле насосной,

на меня повесят ночной сбой. Потом старую течь. А следом — новое межевание.

— Горшкова видели? — спросила я.

— Машину видел.

— Где именно?

— У правления.

— Она стояла носом к насосной или к дороге?

— К дороге. Синяя легковая, правое крыло светлее двери.

Я не подходил.

— Во сколько?

— Когда пришёл. После одиннадцати.

— А уехала когда?

— Не знаю. Я ушёл раньше.

Я записала цвет и повреждение крыла. Александр заметил это и усмехнулся.

— Теперь машина стала виновнее меня?

— Пока у неё нет показаний.

— Зато не врёт.

Олеся спросила, почему он пришёл к наружной линии без прямого вызова Серовой. Александр ответил, что прошёл вдоль внешней линии, где раньше ремонтировал трубу. Никаких ворот он не открывал. Борис Павлович просил посмотреть давление, а отказ мог оставить без воды деревню.

— Значит, вы всё-таки помогали правлению, — сказала Олеся.

— Я трубе помогал. Правление само справится, у него

папка есть.

Я спросила, мог ли Николай Кузьмич прийти туда ночью. Александр пожал плечами.

— Мог. Он часто ходил проверять колышки.

— У него были ключи?

— От территории — нет. От старой камеры раньше был. Потом замок сменили.

— Когда?

— Лет пять назад. После того как из схемы убрали старую ветку.

— Кто менял?

Александр помолчал.

— Горшков привозил замок. Ставил не я.

Эта подробность укрепила подозрения против Горшкова, но Александр тоже многое знал и сообщал детали только после прямого вопроса.

— Почему вы сразу не сказали про машину и старый замок? — спросила я.

— Потому что вы пришли не слушать. Вы пришли подобрать к моим рукам подходящую вмятину.

Олеся посмотрела на меня. Я сделала вид, что занята записью.

— У вас инструменты, доступ к линии и конфликт с Серовой, — сказала я.

— Доступа нет. Поэтому я и стоял снаружи.

— Дубликат мог остаться.

— Опять мог. У вас всё уже сложилось.

— Николай пропал.

— Я знаю.

— Тогда помогите установить, что произошло.

Александр забрал у меня чек с подписями фотографий и разорвал пополам.

— Официальный запрос принесёте — покажу тетрадь и отвечу. Без него — хватит. Я уже один раз работал бесплатно. Второй раз бесплатно быть виноватым не буду.

Он свернул к своему дому. Олеся окликнула его, но Александр не обернулся.

Мы остановились у развилки. Настасья Петровна молчала всю дорогу. Теперь она посмотрела на меня.

— Ты с ним говорила как с виноватым.

— Он скрывал вызов.

— Скрывал. Это его поступок. Остальное ты добавила сама.

— У него мог быть ключ.

— Доступ и поступок — разные вещи.

Я напомнила про совпадающие вмятины. Настасья Петровна ответила, что вмятины старые, а свежую Александр сам показал. Олеся поддержала её не сразу.

— Он неприятный, когда злится, — сказала она. — Но неприятный человек не обязан быть похитителем. И ты правда задавала вопросы так, словно он уже оправдывается.

— Он видел машину Горшкова и промолчал.

— Потому что сам пришёл без записи. Это плохо. Но сговора из этого пока нет.

Мне не хотелось признавать, что они правы. Версия Александра была удобной: местный мастер с обидой на правление, знанием системы и возможным дубликатом. Он находился рядом в ночь исчезновения, не сообщил об этом участковому и оставил старые следы на трубе. Всё связывалось с подозрительной лёгкостью, а усталость помогала не замечать слабые места.

В домик я вернулась после десяти. Настасья Петровна поставила у двери кувшин воды и велела сначала умыться, потом смотреть фотографии. Олеся ушла домой закрывать салон. Перед калиткой она напомнила:

— Увеличивай снимки, а не подозрения.

Я открыла ноутбук и перенесла фотографии. На первом снимке ключ Александра лежал возле старой вмятины. На втором была свежая царапина с линейкой. Я увеличила изображение и провела на экране две отметки.

Свежая царапина была на несколько миллиметров уже старых следов.

Синяя точка по краю царапины при увеличении превратилась в короткую полоску краски. Она лежала поверх ржавчины, а не под ней. Значит, появилась недавно. Изолента на ручке Александра была тоже синей, но мягкая лента не оставила бы такого следа на металле. Краска могла перейти с инструмента, детали или машины. Пока это была только цвет-

ная крупинка.

Рабочий ключ Александра не совпадал с ней по ширине.

Телефон завибрировал. В общем чате СНТ появилось сообщение от Серовой. В пятницу вечером правление проведёт предварительное обсуждение сделки. Присутствовать смогут только члены правления и приглашённые специалисты. Посторонних просили не приходить и не мешать подготовке собрания.

Через минуту Олеся прислала снимок экрана и короткое сообщение: «Нас уже официально повысили до посторонних».

Я закрыла фотографию, но узкая царапина осталась перед глазами. Она не совпадала с ключом Александра и мешала простой версии. Я отметила это в тетради, однако имя водопроводчика не вычеркнула.

Глава 5. Прищепки Олеси

Утром возле колонки стояло больше ёмкостей, чем людей. Вёдра, канистры и две бочки заняли очередь ещё до семи. Их хозяева прятались в тени, но внимательно следили, чтобы чужая ручка не оказалась ближе к крану.

По пятницам воду не подавали. Люди пришли выяснить, почему ночью она всё же появилась.

Олеся натянула между столбом и калиткой бельевую верёвку и высыпала на табурет отдельный набор прищепок для ночной схемы. После вчерашнего сообщения Серовой про закрытое обсуждение настроение у неё было деловым.

— Сегодня цвета переназначаем: к очереди они не относятся. Красные берут жители первой улицы, синие — второй, жёлтые — дальней. Цепляем туда, где по времени у вас появилась вода.

Мужчина с бочкой поднял зелёную прищепку.

— А эта для кого?

— Для человека, который сначала выслушает инструкцию.

Он положил прищепку обратно.

Я прикрепила к верёвке листок с отметками времени. Слева было десять вечера, справа — шесть утра. Олеся заранее разделила промежутки узлами. Получилось наглядно, хотя первые возражения начались раньше, чем мы закончи-

ли.

Женщина в соломенной шляпе потребовала красный цвет. Её участок числился на второй улице, но калитка выходила на первую. Мужчина с бочкой считал, что зелёный выглядит официальнее синего. Тамара Ковалёва хотела белую прищепку, потому что воду не видела и считала отсутствие воды отдельным событием.

— Белая будет означать «не знаю», — решила Олеся. — Это самый честный цвет.

Белые разобрали быстрее остальных, но трое вскоре вспомнили время и заменили их цветными.

Я просила не говорить «ночью» и «после дождя», а называть конкретный промежуток. Если точного времени не было, мы искали бытовую привязку. У Тамары вода пошла, когда по телевизору закончились новости. У мужчины с бочкой шланг дёрнулся во время звонка дочери. Он открыл журнал вызовов и нашёл двадцать три сорок семь.

— Бочка наполнилась?

— На треть. У меня отметка белой краской. Не надо из каждой краски делать подозреваемого.

На верёвке появились первые прищепки. Две жёлтые оказались почти у полуночи. Красные и синие тянулись ближе к утру. Деревенская колонка в это время оставалась без воды.

— Насос ночью не должен работать, — сказала я.

Мужчина в клетчатой кепке возразил, что услышал бы его. Тамара напомнила про радио, под которое он засыпал.

— Время проверяем по фактам, — остановила их Олеся.

— Кран открыли зачем?

Выяснилось, что жёлтая прищепка Тамары относилась к поливу. Она вышла после полуночи закрыть теплицу и услышала воду в шланге на соседнем участке. Хозяев там не было. Вторая жёлтая принадлежала дачнице по имени Алла Борисовна. У неё ночью заработал бачок в туалете.

— Я проснулась от счастья, — сказала она. — Потом поняла, что это вода шумит.

— В доме ещё кто-нибудь был? — спросила я.

— Муж. Но счастье было не от него.

Очередь засмеялась, и Алла Борисовна воспользовалась паузой, чтобы переставить свою канистру ближе к колонке. Олеся вернула её на место и прицепила к ручке зелёную прищепку.

— За попытку изменить порядок после показаний.

— А зелёная что означает?

— Теперь означает административное наблюдение.

К девяти часам на верёвке сложилась картина. Между одиннадцатью вечера и часом ночи вода появлялась на дальних участках СНТ. Ближе к деревне её почти не было. Утром направление менялось: давление дошло до первой улицы, но быстро упало.

Я записала имена и попросила каждого оставить номер телефона. Несколько человек сразу захотели снять прищепку.

— Номер зачем? — спросила женщина в шляпе.

— Чтобы уточнить показания.

— Я уже всё уточнила.

— Тогда повторить будет легко.

Олеся поставила рядом коробку с надписью «проверено». После этого люди стали относиться к прищепкам серьёзнее, чем к объявлениям правления.

Олеся предложила продолжить разговор у неё в салоне. Там можно было рассадить свидетелей отдельно и не давать им исправлять память после каждой соседской реплики. Перед уходом она сняла верёвку целиком, не меняя положения прищепок. Мужчина с бочкой вызвался нести один конец, но потребовал должность.

— Технический держатель, — сказала Олеся.

— Ответственный?

— Пока справляетесь.

В салоне верёвку закрепили над зеркалом. Клиентское кресло заняла Алла Борисовна, пришедшая на окрашивание. Она сразу заявила, что ничего незаконного не делала.

— Мы пока говорим только о времени воды, — сказала Олеся, размешивая краску. — Способ подключения обсудим отдельно.

— У нас обычный кран.

— Я не спрашивала про кран.

Алла Борисовна прищурилась.

— Ты умеешь разговаривать людей лучше меня.

— Поэтому у меня запись на две недели вперёд.

Я сидела у маленького стола с тетрадью. Настасья Петровна устроилась возле окна и перебирала прищепки, которые не успели использовать. Она слушала, но не вмешивалась.

Первая клиентка подтвердила, что вода появилась около половины первого. Её муж проснулся раньше и вышел проверить шланг. В официальной схеме их участок получал воду от дальней ветки. По словам Александра, при обычном запуске давление туда доходило последним.

— А ночью пришло первым, — сказала я.

— Может, потому что остальные спали и краны не открыли.

Это объясняло часть разницы, но не сам запуск.

Следующей пришла Тамара Ковалёва. Она отказалась садиться в кресло, потому что зашла «на две минуты». Через пятнадцать минут Тамара всё ещё стояла у двери и подробно объясняла, почему не следит за соседями.

— Я свет видела случайно, — сказала она. — Шла теплицу закрыть.

— Где горел? — спросила Олеся.

— У Горшкова.

— В доме или во дворе?

— В доме. В крайнем окне.

Горшков утверждал, что после проверки насосной уехал. Его участок в СНТ обычно пустовал по будням. Дом стоял ближе к старой служебной ветке, о которой говорил Николай.

— Во сколько? — спросила я.

— После полуночи.

— Чем подтверждается?

Тамара обиделась.

— Я часы видела.

— Где?

— На микроволновке, когда вернулась. Ноль двадцать восемь.

— Сколько шли от его участка?

— Минут семь. Если не останавливаться у Ковалёвых.

— Вы и есть Ковалёва, — заметила Олеся.

— У других Ковалёвых. Их в СНТ три семьи. Мы первые, но не самые старые.

Я записала примерное время — около двадцати минут первого ночи. Тамара добавила, что возле дома Горшкова стояла машина. Цвет в темноте она не различила, но задний фонарь горел.

— Двигатель слышали?

— Нет. У них собака на соседнем участке лаяла, она всё перекрывала.

После Тамары пришла женщина, которую Олеся знала как Зинаиду с шестой улицы. Она начала с предупреждения:

— Про трубу я говорить не буду.

— Тогда поговорим про воду, — ответила Олеся.

— Вода была.

— Во сколько?

— Около часа.

— Откуда пришла?

— Из крана.

Олеся повернула кисточку в пальцах.

— Зинаида, у вас участок выше основной линии. При обычном давлении вода туда не поднимается. Александр весной говорил ставить накопительную ёмкость.

— Он много говорит.

— А вода у вас всё же была.

Зинаида посмотрела на меня и спросила, передам ли я её слова Серовой. Я ответила, что самовольное подключение не буду выдавать за доказательство похищения, однако обещать молчание о нарушении не могу.

— Тогда зачем мне рассказывать?

— Чтобы отделить ваш отвод от ночного запуска. Иначе Серова свалит на незаконные врезки всё падение давления.

Зинаида подумала и села на край второго кресла.

— У нас труба идёт от старой служебной ветки. Её ещё прежний хозяин вывел. Мы только кран поменяли.

— Где подключение?

— За канавой, ближе к участку Горшкова.

— Горшков знал?

— Он сам показывал мужу, где копать, когда оформлял границы. Сказал, ветка мёртвая.

— Когда это было?

— Три года назад.

Если ветка считалась мёртвой, вода ночью по ней идти не могла. Значит, либо Зинаида ошибалась в происхождении трубы, либо старую линию можно было открыть вручную.

— Чем ваш муж затягивал соединение? — спросила я.

— Ключом.

— Каким?

Зинаида пожала плечами.

— Небольшим разводным ключом. Горшков дал свой, он у него в сарае лежал.

— Цвет помните?

— Ручки синие. Сам ключ обычный.

Я показала фотографию свежей царапины у насосной. Зинаида сразу отодвинула телефон.

— Я не знаю, от него это или нет.

— Я тоже не знаю. Размер помните?

Она развела пальцы примерно на ладонь. Меньше ключа Александра.

Олеся закончила наносить краску Алле Борисовне и поставила таймер.

— Сначала выдерживаем двадцать минут, потом продолжаем следствие. Иначе у нас будет первый свидетель с половиной головы другого цвета.

Алла Борисовна спросила, входит ли следствие в стоимость. Олеся ответила, что ложные показания оплачиваются отдельно, а затем обозначила правила:

— Всё, что здесь слышали, по деревне не разносим. Вера

проверяет факты. Я не превращаю салон в отдел слухов.

К полудню у нас было два признания в самовольных подключениях. Они объясняли часть потерь давления, но не удары и не запуск после полуночи. Свет в доме Горшкова видела только Тамара. Зато три участка на дальней улице получили воду почти одновременно.

Мы перенесли прищепки на лист бумаги и провели линию по времени. Она шла от насосной к дальней ветке, потом возвращалась к деревне. Получалось, ночью открыли направление, которое в обычном графике почти не использовали.

Дом Горшкова стоял в конце шестой улицы. Калитка была закрыта, окна занавешены, машины во дворе не было. Мы остались на общей дорожке. Рядом с канавой находился водомерный колодец, крышка которого была прижата камнем.

— Открывать не будем, — сказала Настасья Петровна.

— Смотреть можно сверху. Руки не запускать.

Из щели тянуло сыростью. На внутренней стенке блестела вода. Земля возле кольца оставалась влажной, хотя солнце уже просушило дорогу после ночного дождя.

Я присела у канавы. От колодца к задней части участка шла полоса более тёмной почвы. По новой схеме здесь проходил только отвод к дому. Старая ветка должна была остаться левее, за забором.

Настасья Петровна взяла сухую веточку и осторожно провела по краю канавы. На глубине нескольких сантиметров земля была мокрой.

— От дождя сверху земля так не промокла бы, — сказала она. — Здесь вода подошла снизу.

Мы прошли вдоль общедоступной дорожки к заднему углу участка. Там канава поворачивала к старому коридору. Трава на одном месте прилипла к земле, хотя рядом стояла прямо. Под ней проходило что-то твёрдое. Я не стала раскапывать.

Олеся позвонила Александру. Он ответил после долгих гудков.

— Нам нужен специалист, — сказала она.

— Вчера у вас уже был виноватый.

— Сегодня нужен специалист.

— Официальный запрос есть?

— Пока нет.

— Тогда и меня нет.

Я взяла у неё телефон.

— Александр, у участка Горшкова влажная земля над старой веткой. Колодец закрыт. Мы его не трогаем.

— Молодцы.

— Можете приехать и сказать, что здесь проходит?

— Могу. После официального запроса.

— Николай всё ещё не найден.

На другом конце стало тихо.

— Участковому передайте. Он вызовет аварийную службу, если посчитает нужным.

— Вы знаете эту линию лучше.

— Вчера это знание у вас было доказательством против меня. Сегодня стало услугой. Быстро работаете.

Он отключился. Я вернула телефон Олеся.

— Заслужила, — сказала Олеся.

— Просить надо было вчера, пока слушал, — добавила Настасья Петровна.

Я сфотографировала влажную полосу с дороги и отправила участковому. Он ответил, что передаст информацию и попросит правление обеспечить осмотр. Самостоятельно вскрывать колодец запретил.

Возле соседнего забора появилась женщина с лейкой. Она сообщила, что дом Горшкова ночью не пустовал.

— Свет был, — сказала она. — И вода шумела.

— Вы видели хозяина?

— Нет. Калитка закрыта.

— Машину?

— Синюю видела вечером. Потом легла.

— Во сколько?

— До дождя.

Новая свидетельница подтвердила машину, но назвала время с разбросом почти в час. Она поливала огурцы около одиннадцати и заметила синее крыло за кустами. Модель машины она не знала.

Я спросила, почему утром никто не сказал об этом участковому.

— Меня не спрашивали.

— Николай пропал.

— А Горшков мне что, родственник? Я за его машиной не слежу.

К вечеру мы собрались у Настасьи Петровны. На столе лежали график, схема прищепок и мои записи. Хозяйка поставила рядом три стакана воды.

Официальный график предусматривал запуск только по четвергам с восьми утра. Допускались короткие технические проверки, но их должен был отмечать дежурный. Ночная запись о Горшкове в журнале доступа была, а отметка о запуске отсутствовала.

Я разложила свидетельства по времени. В 23:10 Горшков получил ключ. В 23:47 вода пошла в бочку на дальней улице. Около 00:20 Тамара увидела свет в доме Горшкова. После 00:30 заработал бачок у Аллы Борисовны. Около 01:00 вода появилась у Зинаиды на старой служебной ветке.

— Дождь начался ближе к половине первого, — напомнила Настасья Петровна. — Пакет Николая уже лежал у калитки.

Олеся передвинула жёлтую прищепку на бумаге.

Тамара видела свет примерно в 00:20, до того, как дождь усилился. Машина могла вернуться к дому Горшкова сразу после насосной.

Я посмотрела на временную линию. Между выдачей ключа и первым подтверждённым появлением воды прошло меньше сорока минут. Ночной запуск начался уже по-

сле предполагаемого исчезновения Николая, если ориентироваться на пакет и следы у его калитки.

— Почему вода нужна была Горшкову ночью? — спросила Олеся.

— Проверить ветку, — предположила я. — Или изменить следы у старой линии.

— Или подать её туда, куда обычно не подают, — сказала Настасья Петровна.

На схеме прищепок ночная вода шла по дальней линии к дому Горшкова. Если старая служебная ветка продолжалась за его участком, она могла вести обратно к насосной и старой камере.

Я снова позвонила Борису Павловичу. Он сначала отказался говорить без Серовой, затем признал: штатный цикл после полуночи не запускали. Служебную ветку кратко включили вручную, но распоряжения об этом Борис Павлович не давал.

— А вручную можно? — спросила я.

— Из шкафа можно коротко проверить давление.

— Без записи?

— Нельзя.

— Физически возможно?

— Возможно.

— Кто умеет?

Он помолчал.

— Горшков умеет. Александр умеет. Серова знает поря-

док.

— Ещё кто?

— Раньше Николай знал старую систему. Но к новому шкафу ключа у него не было.

Олеся показала на прищепку у отметки «ноль пятьдесят». Я спросила Бориса Павловича, мог ли короткий ручной запуск дать воду только на дальнюю ветку.

— Если переключить задвижку, мог. Но зачем?

— Это мы и выясняем.

— Вера Сергеевна, вы опять назначите виноватым того, кто умеет открыть шкаф.

Я всё ещё держала в голове Александра. Он мог приехать по вызову и помочь Горшкову, хотя подтверждения этому не было.

После звонка Настасья Петровна посмотрела на мою запись.

— Ты опять Сашку первым написала?

— Александра.

— Имя поправила, мысль нет.

— Он отказался приехать.

— После того как ты вчера примерила к нему все вмятины.

Олеся не стала меня защищать.

— Нам всё равно придётся с ним говорить. Только уже без обвинения в голосе.

Я собрала прищепки по улицам. Одна жёлтая выпала на

пол и закатилась под шкаф. Когда Настасья Петровна потянулась за ней, она задела доску под мебелью, и та глухо звякнула.

— Там металл, — сказала она. — Давно лежит.

— Достанем? — спросила Олеся.

Настасья Петровна проверила, как стоит шкаф, и покачала головой.

— Не ночью. Сначала освободим полку и сфотографируем место.

— Даже прищепка получила официальный порядок доступа, — заметила Олеся.

Я отметила звякнувшую доску в тетради, но возвращаться к ней сейчас не стала.

На столе оставалась схема ночной подачи: жёлтые отметки шли от насосной к дальней улице, участку Горшкова и старой служебной ветке. Официальный график такого маршрута не предусматривал. Рабочая версия была такой: после предполагаемого исчезновения Николая человек с доступом к наружному шкафу кратко открыл неучтённое направление.

Глава 6. Старая муфта

Утром мы вернулись к шкафу во дворе Настасьи Петровны. Олеся сняла с полки банки, я сфотографировала пол и положение треснувшей доски. Под ней виднелся край ткани.

— Не тяните, — сказала Настасья Петровна. — Сначала отметьте, как лежит.

Я положила рядом линейку и сняла несколько кадров. Только после этого хозяйка подняла доску.

В свёрнутой ткани лежала тяжёлая латунная муфта. Металл потемнел, на резьбе сохранилась земля.

— До весны она подпирала доску у банок, — объяснила Настасья Петровна. — Потом шкаф передвинули, и я про неё забыла.

Олеся посмотрела на находку.

— Значит, мистическая реликвия десять лет охраняла банки от ветра.

— Хорошая вещь должна работать, — ответила Настасья Петровна. — Даже если остальные про неё забыли.

Мы перенесли муфту на чистую доску, не очищая металл и не соединяя её с другими деталями.

Фотографии подтверждали место хранения, но не происхождение детали. Его ещё предстояло проверить по клейму, следам краски и старым записям ремонта.

С края детали проступал ржавый отпечаток. Он был не

круглым, а слегка сжатым с одной стороны. Такой след мог появиться, если латунь долго прилегалa к железной трубе с неровным краем. На наружной стенке виднелись две буквы и цифра, забитые грязью.

— Это клеймо? — спросила я.

Настасья Петровна поднесла муфту к свету.

— Клеймо ставила бригада. Тогда на каждой части метили участок, чтобы потом не спорить, чья работа потекла.

— И всё равно спорили?

— Поэтому и метили.

Я сняла деталь крупно с линейкой. Олеся держала лампу, но после первого снимка решила, что у неё работа ответственнее моей.

Под полкой нашёлся и короткий железный обрезок. Настасья Петровна использовала его как подпорку под ножку. На срезе сохранилась такая же неровность, что и на ржавом отпечатке муфты. Я не соединяла детали, а положила их рядом и сняла сверху. Вмятина на железе повторяла сжатый край латунного кольца.

— Теперь это уже две полезные вещи, — сказала Олеся. — Одна держала банки, вторая — полку. Водопровод после списания продолжал обслуживать хозяйство.

Настасья Петровна повернула обрезок, не касаясь мест соединения.

— Этот кусок от колонки. Его тоже оставили после переноса.

На одном краю муфты сохранилась полоска зелёной краски и асимметричный скол. Такой же скол был на железном обрезке. По словам Настасьи Петровны, зелёным раньше отмечали соединения со стороны деревни. Вместе эти признаки позволяли определить рабочее положение детали, но окончательный маршрут требовал проверки по документам и на месте.

— Почему не закрутить? — спросила Олеся.

— Потому что потом мы не узнаем, какие следы были раньше, а какие сделали сами.

— Запомню. Сначала испортить улику, потом очень честно описать, как именно, — плохой метод.

Настасья Петровна убрала обрезок на отдельную доску. На нём виднелась та же зелёная краска. Совпадение двух деталей уже не зависело от одной памяти, хотя специалист всё равно должен был подтвердить их происхождение.

Я подписала обе доски и указала время съёмки. Олеся предложила добавить: «не мыть даже из лучших побуждений». Настасья Петровна согласилась и убрала щётку подальше. Во дворе хватало людей, способных привести старое железо в порядок быстрее, чем мы успели бы возразить.

— Свет чуть левее? — спросила я.

— Ещё немного.

— Я уже не подруга. Я осветительный прибор.

На третьем кадре клеймо было видно отчётливо: две буквы и число семь. Под ними сохранилась полоска выцветшей

зелёной краски. На современной схеме зелёным была отмечена новая линия, но краска на муфте выглядела намного старше.

Настасья Петровна вспомнила, что прежнюю деревенскую трубу красили зелёным только на соединениях. Так ремонтная бригада находила муфты под землёй. После переноса колонки цвет сменили, потому что Серова требовала единых отметок для СНТ.

— Когда сняли эту деталь? — спросила я.

— Лет десять назад. Может, одиннадцать. Колонку передвигали ближе к дороге.

— Александр снимал?

— Он тогда помогал. Но старшим был Степан Ларин. Он трассу мерил.

Имя погибшего геодезиста уже встречалось в плане, о котором говорил Николай Кузьмич. Я спросила, что случилось со Степаном.

Настасья Петровна не ответила сразу. Она поставила банку обратно на полку и проверила, не качается ли доска.

— Погиб у дренажной ямы. Сказали, оступился. После этого трассу быстро закончили и бумаги переделали.

— Когда именно?

— В то же лето.

Олеся перестала шутить. Она положила лампу на перевёрнутое ведро.

— Зоя Ларина до сих пор здесь живёт?

— В конце деревни. Только к ней без пустых разговоров не ходят.

Я снова посмотрела на клеймо. Если число семь обозначало участок, его можно было сверить с журналом бригады или записями геодезиста. Пока у нас была только старая деталь и память Настасьи Петровны. Этого хватало, чтобы искать документы, но не для вывода.

Мы перенесли муфту в мой домик. Я поставила её на доску у окна и накрыла прозрачной миской, чтобы случайно не коснуться. Олеся сфотографировала мою конструкцию.

— Для истории?

— Для Сашки. Пусть увидит, что мы научились не хватать железо руками.

— Александра, — поправила Настасья Петровна.

— Ему пока всё равно не отправлю.

До темноты оставался час. Мы решили пройти по деревне и восстановить прежний маршрут трубы. Настасья Петровна взяла старую палку с зарубками. Ею она когда-то измеряла расстояние между грядками. Я распечатала современную схему, а Олеся прихватила моток верёвки.

Старая колонка до переноса стояла ближе к колодцу. От неё труба входила во двор Настасьи Петровны, проходила возле сарая и уходила под улицу. На месте прежней канавы теперь росла смородина.

— Трубу клали здесь, — сказала Настасья Петровна. — Потом земля проседала после каждого дождя.

Я отметила линию на схеме. По нынешнему плану труба шла вдоль дороги и не заходила во двор. Расхождение началось уже у колонки.

Сосед через забор увидел верёвку и решил, что мы делим участок.

— Сразу говорю, мой сарай стоит правильно.

— Мы ищем старую трубу, — объяснила Олеся.

— Тогда сарай всё равно стоит правильно.

Он вышел с рулеткой и показал место, где много лет назад ремонтники вскрывали землю. По его памяти, труба поворачивала у яблони. Настасья Петровна возразила: яблоня тогда была маленькой, а канава шла ближе к крыльцу.

— Я сам видел, — настаивал сосед.

— Ты в тот день в город уезжал.

— Значит, накануне видел.

Мы не стали выбирать память по громкости. Я нашла на земле длинную просадку, которая шла от старой колонки к заднему краю двора. В одном месте из почвы торчал обломок кирпича. Настасья Петровна вспомнила, что кирпичами отмечали поворот трубы. Сосед признал, что яблоня выросла позже.

На другой стороне улицы след терялся под новым забором. Хозяйка участка пустила нас только до калитки. Она решила, что правление проверяет самовольные подключения.

— У меня всё законно, — сказала она прежде, чем мы успели представиться.

— Мы не из правления, — ответила я.

— Тогда зачем вам труба?

— Хотим понять, где она проходила раньше.

— Раньше здесь вообще ничего не было.

Из-под её забора торчало бетонное кольцо. Хозяйка заметила мой взгляд и загородила его ногой.

— Это для цветов.

Олеся посмотрела на пустое кольцо.

— Очень сдержанные цветы.

Разговор закончился тем, что хозяйка разрешила осмотреть дорогу снаружи, но попросила не упоминать её фамилию. Возле забора земля снова просела. Линия уходила к старой дороге и затем поворачивала в сторону СНТ.

Дальше устные воспоминания разошлись. Один житель считал, что труба шла к пруду. Другой был уверен, что её вели прямо к насосной. Настасья Петровна предложила не собирать новые мнения, а смотреть на землю.

Возле пустующего участка сохранилась старая бетонная стойка. На её основании была полоса зелёной краски, похожая на след на муфте. Я сфотографировала обе отметки при одинаковом освещении. Цвет ещё предстояло сравнить, но направление стало понятнее.

Старая линия входила в деревню N, питала колонку, а затем возвращалась к насосной через край поселения. На новой схеме этот обратный участок исчез. Вместо него труба шла по территории СНТ, освобождая полосу возле старой

границы.

— Если коридор продадут, деревенская часть останется без прохода для ремонта, — сказала я.

— Мы и сейчас туда без их разрешения не войдём, — ответила Настасья Петровна.

— Деревню приглашали на собрание?

— Нет.

Олеся достала телефон и начала звонить постоянным жителям. Она не собирала подписи и не обещала остановить сделку. Сначала спрашивала, кто пользовался старой колонкой и помнит ремонт.

— В воскресенье будут решать про линию, которая проходит через N, — объясняла она. — Нет, голосовать вместо СНТ мы не можем. Но молчать тоже не обязаны.

После третьего звонка выяснилось, что о продаже знали почти все, а о связи с деревенской трубой — никто. Серова говорила только о земле товарищества. Новая схема представляла систему так, будто N получала воду через обычное ответвление и не имела отношения к старому коридору.

Я отметила на карте места просадки и зелёную стойку. Получилась дуга, которая возвращалась к насосной не по нынешней линии, а через полосу у пожарного пруда.

— Там дренажная яма, — сказала Настасья Петровна. — Была открытая. Потом накрыли плитами.

— Та самая, где погиб Степан?

Она кивнула.

До темноты идти туда не стоило. Мы договорились сначала проверить муфту и запись ударов, а утром поговорить с Зоей Лариной. Однако любопытство уже тянуло меня к труду. Я старалась не показывать этого, но Олеся заметила.

— Сначала стол, потом яма, — сказала она. — Иначе опять придём ночью с телефоном вместо головы.

Муфта не издала звука, поэтому наша догадка пока не получила подтверждения.

Я нашла старый латунный переходник из хозяйственного ящика. Он был меньше, но металл звучал похоже. Настасья Петровна разрешила постучать по нему деревянной ручкой. Муфту мы не трогали.

Первый удар по переходнику получился звонким. Второй прозвучал ниже, когда деталь держали рукой. Я записала оба варианта и сравнила с третьим ударом из трубы. Тембр был похож на приглушённую латунь, но разница между телефоном, трубой и отдельной деталью делала сравнение приблизительным.

Я подписала аудиофайлы временем и местом, чтобы позже не перепутать их с записью у колонки. Олеся проверила названия и заменила моё «муфта, возможно» на «латунный переходник, контроль». Она сказала, что осторожность должна начинаться уже с имени файла.

— Значит, ничего не доказали, — сказала Олеся.

— Доказали, что проверять надо металл, а не настроение.

— Уже хорошо. Настроение у нас к вечеру не прошло бы

экспертизу.

Я увеличила снимок клейма. Буквы читались как «РБ», а число семь было выбито ниже. Настасья Петровна вспомнила районную бригаду, которая работала по участкам. Номер мог относиться к отрезку от деревенской колонки до дренажной ямы.

— У них были журналы? — спросила я.

— У Степана был полевой. Он всё записывал сам.

— Журнал сохранился?

— Зоя говорила, что бумаги мужа не выбросила.

Олеся предложила позвонить ей сразу. Настасья Петровна остановила.

— Ночью к вдове не идут спрашивать про место смерти мужа.

— Можно предупредить про утро.

— Я сама предупрежу.

Клеймо и зелёная отметка совпадали с описанием старого участка; принадлежность детали ещё требовала проверки по полемому журналу Степана.

После паузы она назвала время — девять утра.

— Согласилась? — спросила я, когда разговор закончился.

— Согласилась поговорить. Журнал не обещала.

— Почему?

— Потому что это её вещь, а не наша улика.

Я записала время встречи. За окном уже стемнело. Муф-

та под миской выглядела обычной деталью, которую забыли выбросить. Мне хотелось услышать в ней ответ, но Настасья Петровна была права: нам нужен был журнал.

В половине одиннадцатого со стороны СНТ донёсся слабый гул. Мы замолчали. Официальной подачи в пятницу вечером не было.

Я вышла во двор. Труба под колонкой дрогнула. Первый удар прозвучал едва слышно. Второй пришёл через короткую паузу.

В домике отозвался один глухой звук.

Мы вернулись к столу. Муфта лежала на доске под миской. Она не сдвинулась, но звук пришёл именно оттуда. Олеся подняла телефон и показала запись.

— Два снаружи. Один здесь.

Настасья Петровна сняла миску, не касаясь металла.

— В слова не переводите. Смотрите, куда ведёт.

Я включила запись ещё раз. Два первых удара шли со стороны насосной. Третий прозвучал ниже и с задержкой. Муфта сохраняла тот же тембр, который мы слышали у старой линии.

Старый маршрут откликался на свежие удары. Именно этот внеплановый запуск заставил нас не ждать до утра. Мы пошли только к ограждению, чтобы проверить направление линии, не входя в техническую зону.

Мы взяли фонари и дошли до края деревни. Настасья Петровна согласилась идти только при условии, что за огражде-

ние никто не полезет. Олеся взяла верёвку, чтобы обозначить границу, а я сообщила участковому, куда мы направляемся. Он ответил, что ночью осмотр проводить не будет, и повторил запрет входить в техническую зону.

У пожарного пруда было темнее, чем во дворах. Дорожка заканчивалась сетчатым ограждением. За ним рос бурьян, а дальше виднелась бетонная плита.

Я подсветила землю с нашей стороны. Возле сетки сохранился обломок деревянного колышка. Верх был срезан, а на боку виднелась выцветшая полоса зелёной краски. Линия от деревенской стойки выводила прямо сюда.

— Не трогай, — сказала Настасья Петровна.

Я сфотографировала колышек через сетку. Рядом из земли выступал бетонный край. Он образовывал угол, которого на современной схеме не было. По положению плиты можно было предположить, что под ней находилась старая дренажная яма или вход в технический узел.

— Степан здесь погиб? — спросила Олеся.

— Здесь его нашли, — ответила Настасья Петровна. — Сказали, ночью пришёл один, оступился и упал.

— Зачем геодезисту идти сюда ночью?

— Вот Зою и спросим.

Со стороны насосной снова донёсся гул. Через несколько секунд в земле отозвались два слабых удара. Мы стояли молча.

Третий звук донёсся со стороны деревни. Он прошёл по

старой линии и затих у ограждения.

По новому плану труба сюда не выходила. Рабочая версия по клейму муфты и старым отметкам вела к дренажной яме, но подтвердить её могли только осмотр земли и документы.

Мы не стали искать проход и не приблизились к плите. Я отправила участковому фотографии колышка и бетонной кромки, затем отметила координаты на своей копии схемы.

На обратной дороге Олеся спросила, что скажем Серовой. Я ответила, что пока ничего. Сначала нужно получить документы и понять, какое отношение дренажная яма имела к старой трассе.

— А Александр? — спросила Настасья Петровна.

Его имя всё ещё стояло первым в моей тетради. Он знал линию, был возле насосной и скрывал ночной приход. Теперь выяснилось, что старая схема была изменена задолго до нынешнего конфликта. Александр мог не иметь отношения к смерти Степана, но я всё ещё допускала, что он помогал скрыть новый маршрут воды.

— С ним поговорим позже, — сказала я.

Настасья Петровна не спорила. Она только велела утром не опаздывать к Зое.

Когда мы вернулись во двор, муфта лежала там же, где её оставили. Я накрыла её миской и рядом положила снимок колышка. Клеймо «РБ-7», полоска зелёной краски и асимметричный скол не совпадали с нынешним планом. Зато старая линия выводила нас к дренажной яме, о которой новые

документы молчали.

Глава 7. Слишком громкое обвинение

К правлению мы пришли после возвращения от пожарного пруда. Было почти одиннадцать, но окна ещё горели. Предварительное обсуждение перенесли на поздний час: Пётр Зорин прислал новые расчёты с задержкой, а Серова решила не терять пятницу. У входа стояли велосипеды, две машины и тележка мужчины с бочкой. Саму бочку он не привёз, однако тележку, видимо, считал частью гражданской позиции.

На двери висело сообщение: «Только члены правления и приглашённые специалисты». Ниже ручкой добавили: «Остальным ждать снаружи». Снаружи уже давали советы тем, кого пускали внутрь.

— Нас повысили до остальных, — сказала Олеся.

Я обещала задать два вопроса и уйти. Настасья Петровна посмотрела на меня так, что обещание сразу потеряло убедительность.

Дверь открыла Валентина Аркадьевна. Она держала папку с доверенностями и сразу обратилась ко мне:

— Наконец-то. Проходите, подпишите получение и раздайте бюллетени по рядам.

— Я не член СНТ.

— Все так начинают, пока участок не оформят.

— У меня нет участка.

Секретарь посмотрела в список.

— Значит, вы от Крыловых по доверенности.

— Я Вера. Живу в деревне N.

— Тогда почему стоите у двери с папкой?

Папку мне уже успела передать женщина в белой кофте. Она попросила подержать её одну минуту и исчезла в зале. Кроме доверенностей внутри лежали бюллетени, лист регистрации и три ручки на шнурках.

— Потому что мне её дали, — объяснила я.

— Раз дали, работайте, — сказала Валентина Аркадьевна.

Мужчина из первого ряда попросил записать его супругу, которая заранее соглашалась со всеми решениями, кроме повышения взносов. Другой протянул паспорт и спросил, где указать площадь теплицы.

— Я не регистратор.

— Тогда поставьте печать.

— У меня нет печати.

— Плохо подготовились.

Олеся забрала у меня папку и вернула секретарю.

— Вера не новая дачница. Она задаёт неудобные вопросы без права голоса.

— Это ещё хуже, — сказала Валентина Аркадьевна, но внутрь нас пропустила.

Серова разговаривала у окна с Горшковым. Борис Пав-

лович проверял удлинитель для проектора и дважды гасил свет. Участники попросили объяснить всё словами.

Я села у стены. На соседнем стуле лежала синяя папка. Женщина в белой кофте вернулась, забрала её, а мне протянула другой комплект бумаг.

— Подержите. Только не отдавайте секретарю, она опять перемешает.

Пока я искала владельца, папка раскрылась. Сверху лежала повестка воскресного собрания. Второй пункт назывался иначе, чем на стенде: «Отчуждение части общего коридора с прекращением прежнего технического маршрута». В публичном объявлении говорилось только о распоряжении общим имуществом ради реконструкции.

Ниже стояла пометка: «Старая линия фактически отсутствует. Подтверждено В. Г.».

Я запомнила формулировку, закрыла папку и вернула женщине.

— Это окончательная повестка?

— У них окончательное меняется каждый день.

Серова хлопнула ладонью по столу и попросила занять места. Закрытое обсуждение быстро перестало быть закрытым. Через пять минут в зале сидели члены правления, дачники без приглашения и мужчина с тележкой. Тележка осталась на крыльце.

— Решений сегодня не принимаем, — начала Серова. — Мы уточняем порядок воскресного собрания и меры по во-

допроводу.

— А Николая нашли? — спросила Тамара Ковалёва.

— Этим занимается участковый.

— Участковый уехал, а человек не вернулся.

Серова ответила, что исчезновение Николая нельзя использовать для срыва хозяйственного решения. Одни её поддерживали, другие потребовали перенести голосование.

Горшков включил проектор. На стене появилась новая схема. Старая ветка возле деревни N на ней отсутствовала. Полоса, по которой мы вечером дошли до дренажной ямы, была закрашена серым и подписана как «неиспользуемая территория».

Я подняла руку.

— Почему в папке написано о прекращении прежнего технического маршрута, если вы утверждаете, что его нет?

Валентина Аркадьевна повернулась к женщине в белой кофте. Та прижала папку к груди.

Серова попросила показать документ. Прочитав формулировку, она сказала, что это рабочий вариант.

— На стенде висит другой, — напомнила я.

— Поэтому этот и называется рабочим.

— В нём прежняя линия уже прекращена, хотя решение не принято.

Горшков подошёл к экрану.

— Линия выведена из эксплуатации много лет назад. Формулировка описывает фактическое состояние.

— Ночью по ней шла вода.

В зале заговорили одновременно. Зинаида с шестой улицы опустила глаза. Серова потребовала назвать основание.

Я рассказала о времени ночной подачи, влажной земле у дома Горшкова и старом маршруте через деревню. Про самовольные врезки не стала называть фамилии, но Серова сразу ухватилась за них.

— Вот и причина падения давления, — сказала она. — Незаконные подключения. Правление говорит об этом месяцами.

— Они объясняют потери, но не ручной запуск после полуночи.

— Проверка давления проводилась законно.

— В журнале нет времени возврата ключа и записи о запуске.

Горшков сел рядом с Серовой. Он не стал спорить и только спросил:

— А кто, по-вашему, мог работать с наружной линией без журнала?

Вопрос прозвучал спокойно, и несколько человек повернулись к двери. Александр стоял у порога. Я не заметила, когда он пришёл. В одной руке он держал рабочую сумку, в другой — небольшую тетрадь с замасленной обложкой.

— Меня Борис вызвал, — сказал он. — Клапан опять гуляет.

Серова поджала губы.

— Обсуждение ещё не закончено.

— Тогда обсуждайте без воды. Я подожду.

Из заднего ряда потребовали сначала выяснить, кто запустил насос ночью. Мужчина с тележкой заявил, что водопроводчик обязан знать все незаконные врезки. Александр ответил, что обязан чинить трубу, если ему открывают доступ и оплачивают работу.

Горшков снова посмотрел на меня.

— Вы изучали следы на муфте. Чей инструмент совпал?

Я знала: старые вмятины совпали с ключом Александра, а свежая царапина оказалась уже по ширине. Следовало сказать обе части сразу, но зал ждал короткого имени.

— Старые вмятины оставлены ключом того же размера, которым работает Александр, — сказала я.

— Любим ключом того же размера, — поправил он от двери.

— Вы были возле насосной ночью и скрыли это от участкового.

— Меня не спрашивали.

— Вы не внесены в журнал.

— Меня не пустили внутрь.

Серова спросила, почему тогда Александр пришёл без её разрешения. Он напомнил про звонок Бориса Павловича. Борис поднялся и подтвердил: Горшков попросил его вызвать Александра из-за падения давления. При этом Борис не просил заходить на территорию.

— Я и не заходил, — сказал Александр.

— А ключи у вас могли остаться? — спросил мужчина из первого ряда.

— От насосной — нет.

— Копию сделать можно.

Эта мысль уже звучала от Серовой и теперь вернулась как установленный факт. Я открыла тетрадь. В ней были выписаны ночной вызов, машина Горшкова, старые вмятины и отказ Александра показать записи без официального запроса. Ни один пункт не доказывал похищение. Вместе они выглядели убедительно, особенно для зала, который хотел получить одного виновного и продолжить собрание.

Олеся наклонилась ко мне.

— Скажи про свежую царапину.

Я кивнула, но Серова уже спросила:

— Вера Сергеевна, вы считаете, что Александр устроил саботаж?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.